

ТРАНСГРАНИЧНОЕ БАНКРОТСТВО: ИДЕМ НА ВОСТОК

УЧАСТНИКИ ИНТЕРВЬЮ



Алексей Дудко

адвокат, старший партнер, глава практики разрешения споров и расследований LEVEL Legal Services



Денис Алмакаев

адвокат, партнер, глава практики международных судебных споров LEVEL Legal Services

Вы регулярно представляете клиентов в делах по банкротству. Что происходит в этой сфере сейчас, через полтора года после начала СВО?

Алексей Дудко: Рынок трансграничных банкротств сейчас скорее переживает подъем, правда, несколько искусственный, связанный в целом с нездоровыми для бизнеса внешними условиями и декомпозицией глобальной правовой архитектуры. Российские бизнесы закрывают или реструктурируют части своей корпоративной структуры за рубежом. В одних случаях это делается инициативно, в других — «добровольно-принудительно». Мы видим массу случаев, когда здоровый бизнес вынужденно попадает в банкротство только из-за того, что директора из-за санкционных, репутационных или иных оснований не готовы выполнять даже минимальные корпоративные требования вроде сдачи налоговой отчетности. С каждым таким случаем приходится кропотливо работать.

С другой стороны, в непростой ситуации оказались и иностранные игроки, но уже на российском рынке: одни продают бизнес, другие ликвидируют, а третьи — просто убегают, после чего их компании «падают» в банкротство. «Ящик Пандоры» открылся, и банкротство иностранных юридических лиц в российских судах перестало быть чем-то диковинным, даже если это сейчас ограничено, по сути, банкротством имущественной массы в России. Можно ожидать, что российские стороны и суды продолжат расширение своего правового инструментария в банкротстве.

Хорошо. Это все компании, а видите ли вы всплеск банкротств российских граждан за рубежом?

Денис Алмакаев: Многие наши сограждане пытаются перевести свои активы в зарубежные юрисдикции. На практике это приводит к классической ситуации, когда должник посто-

янно проживает в одной юрисдикции, а активы — в другой. Если такой «физик» попадает в банкротство в одной или другой стране, то возникает необходимость координации разбирательств — это то, чем мы как раз занимаемся. О всплеске международных банкротств физических лиц пока говорить рано, но то, что такого рода банкротства будут только усложняться, очевидно уже сейчас.

Вы уже упомянули отечественный правопорядок. Как российские кредиторы могут дотянуться до иностранных активов?

Алексей Дудко: Россия не является стороной каких-либо международных договоров, позволяющих признавать иностранные банкротства в России или, наоборот, российские — за рубежом. Тем не менее определенные возможности все-таки остаются.

Если в рамках российского банкротства выясняется, что у должника имеются ликвидные активы за рубежом, то конкурсный управляющий может пытаться признать россий-



ское банкротство и свои полномочия за рубежом, например, в Англии (дело Л. Киреевой против Г. Беджамова, бывшего совладельца Внешпромбанка), или один из кредиторов, чьи требования включены в реестр в российском банкротстве, например, крупный банк, может предъявить самостоятельные требования напрямую к должнику в иностранный суд (ВТБ по делу экс-владельца ТагАЗа Михаила Парамонова; Альфа-Банк по делу экс-владельца Балтийского банка Андрея Исаева). Возможен и третий вариант, когда кредитор не принимает участия в российском банкротстве, а предъявляет требования сразу к должнику в иностранной юрисдикции (Банк Траст по делу экс-владельцев Промсвязьбанка Дмитрия и Алексея Ананьевых).

Поменялась ли данная практика за последние годы?

Денис Алмакаев: Конечно поменялась. Прежде всего возникают дополнительные сложности в связи с санкционными ограничениями, когда подсанкционные лица зачастую лишены возможности заниматься эффективным взысканием. Это приводит к тому, что даже относительно простые требования приходится «просуживать» с большим трудом.

Однако, нельзя сказать, что трансграничная работа стала совсем невозможной, что многие предсказывали еще в прошлом году. Мы видим, что иностранные суды пытаются найти хрупкий баланс между соблюдением национального регулирования, с одной стороны, и обеспечением доступа к правосудию для сторон из России, с другой. Изменилось ли отношение к российским кредиторам за границей?

Алексей Дудко: Это зависит от юрисдикции, где расположены активы должника и планируются судебные разбирательства. Можно утверждать, что ведение трансграничных разбирательств усложнилось. Фактические препятствия могут ожидать российских кредиторов на каждом шагу: начиная от найма юристов и оплаты необходимых пошлин и сборов и заканчивая исполнением судебного решения и обращением взыскания на актив. Очень часто мы сталкиваемся с «политическими» аргументами другой стороны, отказами банков в проведении платежей, «драконовскими» процедурами комплаенса и так далее.

Какие юрисдикции сейчас наиболее популярны для российских кредиторов и должников?

Денис Алмакаев: Крупных российских клиентов сейчас интересуют три основные юрисдикции: Гонконг, Сингапур и Дубай. На днях в рамках масштабной конференции по международному арбитражу проводился опрос среди клиентов и консультантов о том, где они предпочли бы рассматривать свои споры в текущих реалиях. Эти три юрисдикции оказались впереди остальных с огромным отрывом. Конечно, в международных банкротствах у сторон далеко не всегда есть возможность для выбора того или иного форума. Зачастую работать приходится там, где в моменте окажутся активы должника. Вместе с тем тренд на рассмотрение дел в странах «глобального Востока» (или «Юга», смотря как посмотреть) совершенно очевиден.



Как вы планируете удовлетворить клиентский запрос на экспертизу в этих юрисдикциях?

Алексей Дудко: Прежде всего за счет наращивания и «эшелонирования» опыта судебных разбирательств в судах этих стран. Сейчас уже никого не увидишь опытом арбитражного споров в SIAC (Сингапурский международный арбитражный суд) или HKIAC (Гонконгский международный арбитражный суд). Мы пошли дальше, и в нашем портфолио есть не только арбитражные, но и судебные разбирательства в этих странах. В Сингапуре нам удалось убедить местный суд исполнить российский приговор по уголовному делу в качестве иностранного судебного решения для целей возврата активов. Любой знающий юрист скажет, что это большая редкость для международного гражданского процесса. В Гонконге мы вели международное банкротство местной группы компаний, а в Дубае — местный арбитраж.

Наша цель состоит в том, чтобы иметь в своем штате специалистов с квалификацией в этих юрисдикциях. Так, мой коллега Денис Алмакаев стал первым практикующим в России юристом, который был допущен к практике в Сингапурском международном коммерческом суде в качестве зарегистрированного иностранного юриста. Кроме того, к нашей команде недавно присоединился адвокат — выпускник Гонконгского университета по программе LL.M. со специализацией в международных разбирательствах. Что касается Дубая (и ОАЭ в целом), то здесь у нас масштабные планы, учитывая приток российского бизнеса на этот рынок. ■